

ПРАЗДНИЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ

Многое можно понять, наблюдая, как человек идет на работу или кончает ее, встречая праздник. Я многое понял, например, в психологии среднего англичанина, когда недавно бродил по английским улицам в час окончания работы банков, контор, магазинов и фабрик. Обычно довольно спокойные и не очень людные улицы Лондона превращались в этот час в бурные, хлопочущие реки, вздыбленные стремительными волнами людских толп. Энергично размахивая зонтиками, джентльмены в котелках ловко лавировали среди огромных красных лондонских двухэтажных автобусов для того, чтобы как можно скорее попасть к себе домой, к своему копящему камину, к своему садику и наконец-то забыть свои служебные тяготы и прозаические дела. Работа и праздник в этом мире — вещи несовместимые.

Мы тоже с волнением ожидаем наступления своих праздников. Они приходят к нам, заставляя каждого из нас в работе, в делах, в пути. Мы встречаем свой праздник работой и не перестаем думать о ней и в праздничные дни, ибо сама наша работа, сам наш труд, как бы они ни были подчас напряжены, праздничны по самой своей природе и сути.

Я пишу эти заметки, только что закончив в Малом театре работу над пьесой греческого поэта Алексиса Парниса «Остров Афродиты». Эта пьеса рассказывает о борьбе мужественного кипрского народа за свою свободу, об исторически неизбежном крахе и распаде той «адской машины» британского колониализма, которая так долго владычествовала на Кипре, где, по преданию, родилась из морской пены богиня красоты и любви Афродита и где сегодня из бури народного гнева и решимости родилось независимое Кипрское государство.

Мы завершали репетиции пьесы в дни работы XV сессии Генеральной Ассамблеи Объединенных Наций, в дни, когда в знаменитой речи главы советской делегации, в пламенных речах лидеров других социалистических стран и государственных деятелей освобожденной Азии, Африки и революционной Кубы, казалось, звучал голос са-

мой истории, говорила «во весь голос» совесть века, правда века. Радио донесло до нас голос Никиты Сергеевича Хрущева. Мы слушали, с каким огромным темпераментом и страстью отстаивает он наичеловечнейшие идеи уничтожения оружия и колониального рабства. Здесь, у радиорепродукторов, мы по-новому понимали и свою пьесу. Нам хотелось перенести это напряженное биение пульса истории в наш спектакль, ибо нет и не может быть современного театра, в котором бы не бился пульс истории, народа, который бы с огромным человеческим волнением не говорил о решающих политических проблемах своего века; ведь именно с этими политическими проблемами связана сегодня и личная жизнь каждого мужчины и женщины на земле — их любовь, их радости, их страдания, их надежды.

Работая над этим спектаклем в Малом театре, я еще раз убедился в том, какую силу дает человеку воодушевленность большой идеей, большой целью. Героическую роль кипрской матери-патриотки исполняет в этом спектакле замечательная советская актриса, народная артистка СССР В. Н. Пашенная. Вера Николаевна уже немолодой человек. Она прожила большую жизнь в театре. Весь последний период репетиций она часто болела. И вместе с тем она ни на день не прерывала работу, репетируя вдохновенно, сильно, с полной отдачей сил.

— А как же иначе? — говорила она, когда мы уговаривали ее отдохнуть. — Ведь в мире идет такая борьба, такой бой идей — разве художник имеет сейчас право отдыхать?

Да, в мире идет борьба, борьба света и тьмы, борьба гуманных, революционных идей, освещенных зарницами великой октябрьской ночи, со всеми злыми, чуждыми, коневнистическими «идеями» и идеями, которые пытаются остановить ход истории.

Никогда не забуду того, что я видел этим летом на Хайгетском кладбище в Лондоне. Мы шли к могиле Маркса, к его памятнику, построенному недавно на средства, собранные компартиями многих стран. Сопровождавший нас английский друг сказал:

— К сожалению, вы не увидите памятника таким, каким он был еще недавно. В ночь, когда умер лидер нашей партии товарищ Гарри Поллит, группа нацистов перелезла через решетку кладбища и облила бюст Маркса желтой краской, которую до сих пор не могут отмыть.

И вот мы стоим возле памятника Марксу. Мы видим следы этого вопиющего кощунства. Но и вся злобная диверсия пугающе оказалась тщетной. Маркс кажется нам в эти минуты еще величественнее, еще непобедимее. Его глаз не коснулась желтая пелена краски, и он сурово и спокойно смотрит вперед, словно видит далеко на востоке свою мечту, ставшую чудесной реальностью нашей жизни. Да, в мире идет борьба!

Есть, как известно, в Лондоне знаменитый Гайд-парк, где каждый может в воскресный день взобраться на трибуну и под охраной полисменов говорить все, что ему придет в голову, не касаясь лишь незыблемости английского трона. Никто к этому не относится всерьез. Это — специфически английское развлечение, нечто вроде ярмарочного «аттракциона демократии» страны, в которой, по меткому слову лорда Байрона, существует «без свободы множество свобод».

Но иногда среди воскресных песнопений евангельских сект, кликушеских проповедей истеричек, призывающих к свободной любви, и «вольнодумных» толкователей священного писания раздаются голоса, которые «нарушают правила игры» и заставляют слушателей в Гайд-парке по-настоящему волноваться и задуматься. Именно таким было гневное и смелое выступление чудесного африканского парня с Ямайки, бросившего в лицо Британии правдивые слова о конце империи, о ликвидации ее «высокой» колонизаторской миссии, о Конго, о своей родине. «Лонг лив Хрущев!» (Да здравствует Хрущев!) — закончил африканец свою пылкую речь. И стоя на зеленой лужайке Гайд-парка, мы снова почти физически ощутили победный ход наших идей, рожденных много лет назад под грохот очистительных залпов «Авторы».

А совсем недавно я снова думал об этом, но на этот раз уже в Малом театре, на генеральной репетиции спектакля «Любовь Яровая» К. Тренева, прославленной пьесы советского театра, говорящей о революционном подвиге нашего народа. На сцене в город, занятый белыми, врывались русские матросы и красногвардейцы, а в зрительном зале сидели гости из революционной Кубы. Они необычайно бурно переживали все репетиции спектакля, вспоминая, наверное, свои боевые походы под водительством Фиделя Кастро, а может быть, думая о сегодняшней борьбе своего гордого и отважного народа. И вот, когда на сцене взвились финальные алые знамена, кубинцы вскочили со своих мест, и под сводами старого русского театра зазвучал призыв, несущийся сегодня по миру. «Куба — да, янки — нет!» — скандировали наши гости, горячо аплодируя победе русских революционных рабочих, несущих мир и свободу всем народам.